

Когда супруги добрались до дома Цяней, Амо Цянь уже приготовил завтрак и ждал только их.

Хоть идти было недалеко, Вэй Цю успел продрогнуть до костей; только осушив миску горячей каши, он почувствовал, как по телу разлилось тепло.

После завтрака Вэй Цю распорядился делами. Окинув взглядом хмурое небо, он решил отказаться от холодных закусок — в такой мороз гостям нужно подавать только горячее.

Первым делом поставили вариться кости и курицу, добавив лук, имбирь и рисовое вино, чтобы убрать лишние запахи. Тетушка Цянь и Линь Цао пришли пораньше, чтобы помочь с тестом для маньтоу из разных злаков — лепка такого количества булочек была делом трудоемким.

Чэн Шинань и Мэн Цюань очищали рыбу от чешуи. Чтобы раздобыть столько рыбы, Мэн Цюань, Цянь Минь и еще несколько парней последние пару дней изрядно «пошуршали» на речке.

Сами братья Цянь сейчас вместе с другими молодыми ребятами ходили по деревне, одалживая у соседей столы и скамьи.

На кухне Вэй Цю разложил все специи и подготовил продукты, чтобы в разгар готовки не метаться из стороны в сторону. Как только совсем рассвело, он засыпал в котел с костями сушеные грибы и красные финики, оставив бульон томиться на медленном огне.

Затем настала очередь рыбы. Вэй Цю сделал на тушках надрезы «цветочком», замариновал их с луком, имбирем и вином. После этого он приготовил кляр, равномерно покрыл им рыбу, а в брюшко каждой вставил веточку — так рыба лучше прожаривается изнутри.

Масло нагрели до нужной температуры, и за дело, как и следовало ожидать, взялся Шинань — он боялся, что раскаленные брызги обожгут Вэй Цю.

Юноша стоял рядом и командовал: сначала опустить спинку, затем голову, и в конце — хвост. Так рыба прожаривалась до хруста, становилась золотистой и могла «стоять» на блюде. Финальный штрих — полить её густым кисло-сладким соусом, и шедевр готов!

Проследив за первыми двумя рыбинами, Вэй Цю доверил остальное мужу, а сам занялся свиными копытцами — обжарил сахар до карамельного цвета и поставил мясо тушиться...

Двор наполнялся людьми. Цянь Минь с друзьями расставляли столы, гости один за другим заходили поздравить именинника.

Вэй Цю на кухне не чуял под собой ног. Снаружи на двух печах бурлил суп и томились копытца — за огнем там приглядывал Линь Цао.

Увидев, что народу прибыло, Вэй Цю решил выставить Шинаня из кухни. Заготовки были сделаны, с остальным он справится сам при помощи Линь Цао.

Он велел мужу сходить домой и переодеться в новую одежду: с утра тот возился с рыбой и насквозь пропах чешуей. Да и не пристало взрослому мужчине торчать на кухне, когда пришло время встречать гостей вместе с дядей Цянем.

Когда Шинань ушел, пришла бабушка Мэн. Увидев Вэй Цю, она с доброй улыбкой подсела к печке подкидывать дрова и болтать с ним. Дань-дань, Юаньбао и Чжуцзы — троица вчерашних сорванцов — тут же облепили ноги Вэй Цю.

— Амо Цю-Цю, от тебя так вкусно пахнет!

Линь Цао расхохотался, потрепав сына по щеке.

— И кто только их научил так называть? В деревне они всех зовут «амо» да «ашень», а тебя — «Цю-Цю»...

Вэй Цю улыбнулся: — Ничего, пусть называют как хотят.

Бабушка Мэн тоже была рада: она усадила троих карапузов рядом с собой у огня. Когда курица была готова, Вэй Цю тайком выделил им по кусочку.

— Тсс... едим по-тихому, — прошептал он.

Три мордашки синхронно и настороженно глянули на дверь и миготом отправили угощение в рот.

Бабушка Мэн, глядя на эту сцену, только покачала головой: — Ну и баловник ты!

Вэй Цю погладил детей по головам и принялся за следующее блюдо. Жареную курицу он переложил в большой таз, и тут же начал готовить дальше. Глазки малышей у печи заблестели — они, болтая ножками, с нетерпением ждали, что будет следующим.

В это время во двор вошел переодевшийся Чэн Шинань. И в тот же миг в воротах показались члены семьи Чэн. Деваться было некуда: родня матушки Чэн-Цянь и семья именинника были в родстве. Хоть это и было неприятно, Амо Цянь велел дяде Цяню зайти к ним и формально пригласить.

Никто не ожидал, что они придут. Семья Чэн всегда была высокомерной: если их не звали по три-четыре раза, они и носа из дома не показывали.

Но сегодня солнце, видать, взошло не с той стороны: притащилась даже старая госпожа Чэн, а также Чэн Яоцзу, который обычно не вылезал из города. Не было только старшего сына — Гуанцзун. В общем, явились почти все.

Разговоры во дворе на мгновение стихли, лица присутствующих стали двусмысленными. Старая госпожа Чэн натянуто улыбнулась в знак приветствия, в два шага подскочила к Амо Цяню и с дежурной улыбкой протянула тоненький конверт с подарком.

Амо Цянь небрежно кивнул и указал им на места.

Чэн Пингуй подошел поздравить дядю Цяня, тот вежливо ответил. Чэн Яоцзу тоже попытался вставить высокомерную фразу, но не успел договорить — дядя Цянь извинился и пошел встречать зашедшего в ворота старосту.

Яоцзу замер с застывшим лицом, развернулся и со злостью сел за стол.

«Подумаешь, юбилей у деревенщины! Я же говорил — не надо идти, зачем мать настояла?» — раздраженно думал он.

Он и не подозревал, что после того, как они выставили Шинаня из дома, репутация семьи Чэн в деревне упала ниже плинтуса. Если бы они проигнорировали и этот праздник, с ними бы в деревне совсем перестали считаться. К тому же дядя Цянь был двоюродным братом старосты, и Цянь-ши нужно было поддерживать связи. К тому же они считали, что своим приходом оказывают Цяням великую честь.

После смерти Чэн Шидуна денег в семье стало катастрофически не хватать. Последние два месяца выдались тяжелыми.

Привыкшие жить на широкую ногу и сорить деньгами, они внезапно оказались в условиях жесткой экономии, что привело к постоянным скандалам. Старуха целыми днями проклинала всех подряд, Цянь-ши тряслась над каждой копейкой — ведь младшему сыну нужно учиться.

Просить денег у старшего было бесполезно: Гуанцзун самому не хватало, он при каждом удобном случае отделивался отговорками. В этой семье каждый был за себя.

Почуввав вчера аромат мяса и получив формальное приглашение, Чэны не смогли устоять — они уже несколько дней не видели жирной пищи. Поэтому сегодня с утра они принарядились и явились в полном составе. Цянь-ши и старуха уселись за центральный стол, демонстрируя свое «превосходство», на что соседи лишь втихомолку поплевывали.

Когда вошел Чэн Шинань, Цянь-ши не сразу узнала в этом статном мужчине в лазурной хлопковой одежде своего пасынка. Чэн Яоцзу, сидевший рядом со старухой, тоже опешил: перед ними был не тот оборванец с перекошенным от боли лицом, которого они выгнали.

Чэн Пингуй только собрался сесть, как услышал голос дяди Цяня: — Шинань! Иди скорее сюда, садись за стол!

Пингуй поднял голову и увидел высокого мужчину, который прошел мимо него с ледяным безразличием. Глядя на совершенно преобразившегося пасынка, Цянь-ши едва не разорвала в клочья свой платок.

«Не может быть! Как он может так хорошо жить? Откуда у него деньги на такую добротную зимнюю одежду?! Мы в этом году не смеем обновки покупать, а этот выродок...»

Лицо старухи Чэн потемнело: этот «нечестивец» даже не взглянул на нее, свою родную бабуку.

Окружающие же злорадствовали — все видели, что дела у Шинаня и его супруга идут в гору, в то время как Чэны только и умеют, что нос задирать.

На кухне Вэй Цю сверился со временем: — Брат Линь, сходи узнай у Амо Цяня, все ли собрались. Пора подавать.

— Иду! — Линь Цао вытер руки и выбежал.

Вскоре вернулся сияющий Амо Цянь: — Вэй-гэр, спасибо тебе огромное! Начинай подавать, все на месте!

— Пустяки, Амо. Идите к гостям, мы сейчас всё вынесем.

Детей уже забрали родители. Вэй Цю разложил еду по тарелкам, и несколько парней из деревни со смехом принялись разносить блюда.

Первой пошла рыба в кисло-сладком соусе. Следом — свиные копытца, курица в соусе, утка с имбирем, нежный тофу в горшочке, голубцы из пекинской капусты, «мясо в горшочке» (коужоу), ребрышки в рисовой муке и наваристый костный суп...

Блюда сменяли друг друга, и у гостей глаза разбегались. Где еще в деревне увидишь такой пир? Да это же лучше, чем в любом городском ресторане! Подавая последние два блюда на

пару, Вэй Цю предупредил ребят, чтобы не обожглись — миски были раскаленными.

Цянь Цуйпин всматривалась в фигуру человека, который распоряжался подачей у кухни. Лицо казалось смутно знакомым.

Она тихо спросила соседку: — Кто это? Цяни наняли повара?

Ван Цуй, боясь упустить лучший кусок, бросила небрежно: — Да кто же еще! Фулан твоего Шинаня! Ты же его сама купила, неужто не признала?

Цянь-ши оцепенела. «Этот мелкий паршивец! Он умеет так готовить? Почему я не знала?!»

В её голове сразу защелкали счеты: если бы она знала, она бы ни за что его не отпустила. Продай она такие рецепты в городской ресторан, выручила бы кучу денег!

Гнев и зависть душили её: «Всё из-за этого выродка Шинаня...»

Но на её состояние никто не обращал внимания — все были заняты невероятно вкусной едой. Когда почти всё было подано, Шинань подошел к Вэй Цю, налил ему теплой воды умыться и тихо спросил:

— Устал?

Вэй Цю стряхнул капли воды и с улыбкой капризно протянул: — Устал... руки совсем не поднимаются. Придем домой — сделаешь мне массаж?

— Обязательно. Весь вечер буду разминать, — пообещал Шинань.

Цянь Минь позвал их за стол в дом. Шинань вытер руки мужу, и они вместе вошли. Проходя мимо центрального стола во дворе, Шинань по-прежнему игнорировал семью Чэн, а Вэй Цю и вовсе на них не смотрел — он их просто не знал и не помнил.

Старуха Чэн, видя, как они проходят мимо, словно мимо пустого места, ледяным тоном процедила: — Видать, Шинань совсем оперился. Бабку родную в упор не видит?

Вэй Цю удивленно обернулся, глядя на незнакомую злую старуху и расфуфыренную Цянь-ши.

Во дворе повисла тишина. Цянь-ши, натянуто улыбнувшись, потянула старуху за рукав:

— Матушка, ну что вы... Шинань просто не заметил. Мы же одна семья, кровь не водица! Как он может вас не признать?

Но Шинань даже не замедлил шаг.

Он холодно посмотрел на Чэн Пингуя: — Мне зачитать вслух последнюю строчку нашего договора о разделе семьи?

Лицо Чэн Пингуя мгновенно стало мертвенно-бледным. Улыбка на лице Цянь-ши застыла. Другие не знали, а она помнила, что там написано.

Вэй Цю обеспокоенно сжал руку мужа, заглядывая ему в глаза. Шинань смягчил взгляд, успокаивающе качнул головой и увел его в дом.

Пока они усаживались, гости во дворе всю гадали: что же там за «последняя строчка» такая?

Но с возгласом «Налетай!» внимание всех быстро переключилось на еду...

<http://bllate.org/book/17091/1597526>